

Роман Носиков

ПЕПЕЛ

В ПЕСОЧНИЦЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Носиков

Пепел в песочнице

«Автор»

2008

Носиков Р. О.

Пепел в песочнице / Р. О. Носиков — «Автор», 2008

Начало ядерной войны застает классического белого воротника Максима в воздухе - он летит в командировку в Канаду. Но фирма, в которой работает Максим имеет некоторые особенности, которые делают его мишенью множества разведок. Погоня идет за героем по всему его маршруту возвращения домой. В дороге ему придется сделать главную вещь которую он не успел сделать при мирной жизни - повзрослеть и стать человеком.

© Носиков Р. О., 2008

© Автор, 2008

Роман Носиков

Пепел в песочнице

Москва, 2020 г.

«Пепел в песочнице» – это первое художественное про изведение публициста Романа Носикова. Страшная и добрая, циничная и наивная сказкапрогноз для взрослых детей. Для тех из них, кому важен вопрос зрелости. На примере героя книги – обычного молодого человека, избалованного благами нашего времени – показана процедура его персонального «страшного суда». Проходя испытание за испытанием, он вынужден себя обвинять, оправдывать и судить. Менять. Эта история о будущем. И она про вечное. В ней есть немного от «Одиссеи» – ее герой тоже идет домой. Чтото от шпионского боевика. Есть история любви и волшебство превращения героя из заурядного полена цивилизации в Человека.

© Р. Носиков, текст, 2020

© Е. Казанцев оформление переплета, 2020

© Л.Кипарисов иллюстрация 2020

© А. Васильева, макет, 2020

Посвящается моей жене Ульяне, моим родителям, моим детям и моим друзьям, которые сделали появление этой книги возможным. А также — светлой памяти моего друга Павла Оленева.

Глаза земли

...Характер ощущений, доставляемых осознанием того факта, что ты являешься частью исторического процесса, за- висит от многих составляющих.

Во-первых, от того, в чем заключается, собственно, сам процесс. К примеру, если это процесс распада государствен- ности, финансового кризиса или геноцида, то ощущения вряд ли будут для вас приятными.

Другое дело — процесс «восстановления Империи». Тут сразу много нюансов: если вам 18 лет, то это вызывает эйфорию, если 30, и у вас есть дети, — здоровую опаску и ожидание трудностей, если 45... Если вы финансист или клерк, то, конечно, будет забавно следить за передвижением флажков на карте, судачить с сослуживцами о политике или писать что-то зажигательное в блоге. А если на вас каска, а в руках автомат, и вы на передовой, то у вас будут совершен- но другие чувства, весьма далекие от желания поговорить на тему геополитики.

Погоня за удачей напоминает погоню за погремушкой на хвосте змеи. Ты бежишь за этим хвостом, не зная, что Судь- ба — змея, которая, опоясывая мир, стремится вцепиться в собственный хвост. Смотря только за удачей, ты рискуешь прозевать тот момент, когда твой мир станет слишком мал для змеи, и ты окажешься точно между змеей и ее хвостом в тот момент, когда она совершит последний рывок. Бегая от судьбы, постоянно с ужасом оглядываясь назад, никогда не поймаешь ее за хвост. Единственное, что можно сделать — оседлать судьбу. Но для этого придется остановиться, посмо- треть ей в глаза и встретить лицом к лицу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАЗА ЗЕМЛИ

– Ну все! Давай, пока... – Максим поцеловал жену. – Пора мне уже. На регистрацию опоздаю.

– Возвращайся скорее. Мы по тебе уже скучаем.

Ангела улыбнулась и быстро прижалась к мужу. Молодому, красивому, любимому и такому деловому. И уже уезжаю- щему.

– Звони почаще. Я тебе в чемодан еще один костюм поло- жила — на всякий случай... и...

Расставаться совершенно не хотелось, и потому надо было еще что-нибудь обязательно сказать, чтобы хоть как-то отдалить момент расставания. Однако все было уже сказано. Получалось как-то глупо. Она вздохнула, расстроилась, как будто только сейчас поверила в то, что он действительно сей- час уедет, отстранилась и отвернулась.

– Ладно. Давай. Опоздаешь.

Максим еще раз поцеловал жену в пробор, сильно, глубоко вдохнул запах ее волос.

– Ты только не расстраивайся, тебе в твоём положении это очень вредно.

И нажал кнопку лифта. Внизу уже ждало такси.

По статусу, занимаемому в фирме, Максиму полагался личный водитель, но в этот раз он не воспользовался его услу- гами. И в аэропорт он не поехал.

Он доехал до новостройки в Кунцево, набрал номер на домо- фоне и, дождавшись, когда откроют, вошел в подъезд. Поднялся на лифте на десятый этаж и позвонил в дверь квартиры. Дверь открылась, он вошел в коридор, и в его губы тут же впились мягкие, податливые губы, пахнущие жареной картошкой.

Секс был быстрым и совершенно животным. После такого невозможно что-либо вспомнить. Именно это Максиму и нра- вилось. Еще ему нравилась та покорность, с которой ему отда- валась Оля. Эта покорность сладко щекотала нервы и служила сексу дополнительной приправой.

Эта же покорность раздражала Максима во всех осталь- ных случаях. Бесила. Он даже не мог долго находиться с ней в одном помещении. Она думала только об одном – как бы ему угодить, чтобы он остался с ней подольше, полностью раство- рялась в нем, была готова ради него на все – на все, что угод- но. Поэтому Максиму сразу после секса хотелось бежать от нее, и он обычно задерживался «на чай» только из нежелания ее обидеть.

Во всем остальном она полностью удовлетворяла его как любовница: никогда сама не звонила, всегда ждала. Единствен- ным неудобством было то, что Оля была секретарем шефа, и поэтому Максиму приходилось скрывать свои визиты, отказы- ваясь от причитающегося авто- транспорта.

В этот раз Максим не ограничился одним раундом – едва переведя дух, снова навалился на Олю, на этот раз со спины. Сладко мямл ее, глядя на покорно наклоненную шейку и, наконец, разрядился прямо в нее, заставив ее закричать от радости.

* * *

Дорога в Шереметьево не задалась. Несколько раз прихо- дилось съезжать с основного шоссе, чтобы объехать пикеты оппозиции, очевидно, выставленные в надежде перехватить какую-нибудь важную шишку. Полиция пока не появилась, и демонстранты творили, что хотели – жгли какие-то портре- ты, бросались камнями в проезжавшие машины. Водители не останавливались, не желая иметь дело с толпой.

Сразу после того, как проехали Парковую, произошел инци- дент: на пытающееся объе- хать пикет такси неожиданно вылетел парень с транспарантом. Водила врезал по тормозам, но

избе- жать столкновения не смог. Мальчишка получил удар фарой, упал и исчез из видимости под капотом.

– Не выходите. – Максим произнес это спокойно, глядя водителю в глаза. – Вам там нечего делать. Просто вызывай- те «Скорую».

Слова Максима как будто разбудили застывшего водите- ля. Он злобно зыркнул на пас- сажира.

– Да, что ж я – не человек?

И, бурча что-то, вылез из авто. Обойдя машину, он немед- ленно лицом к лицу столк- нулся с демонстрантами – крепко- го вида молодыми людьми в спортивных куртках.

Максим достал сотовый и набрал номер гаража, одновре- менно закрывая и блокируя двери.

– Алло! Валерий Петрович?

– Максим? Слушаю тебя! – раздался в трубке массив- ный и спокойный бас старшего по гаражу.

– Дядь Валера! Я на Московском шоссе, у Пионерской. Мне нужен джип, охрана и, воз- можно, медицинская помощь.

– Что там у тебя? Война?

– На демонстрантов нарвался. В аэропорт опаздываю. Водителю сейчас морду набьют – мы одного из демонстран- тов сбили.

– Ну это, конечно, причина, – добродушно грохотнуло в трубке.– Ладно. Жди. От Алту- фьева за тобой Сеня поехал. Не выходи из машины. Понял? Не выходи. Тебе по башке да- дут, и вместо Канады в больничку поедешь.

– Понял, не дурак.

– Вот и ладушки.

Короткие гудки хронологически абсолютно точно совпали с мокрым, хлюпающим звуком первого удара по лицу таксиста.

Таксиста били недолго. Таксист был шуплый, и много ему не надо было. Да и пассажир в дорогом костюме всегда выгля- дит намного привлекательней для рукоприкладства, нежели его водитель.

Один из демонстрантов подошел к дверце машины и поде- ргал ее.

– Вылезай! Чего сидишь?

– А чего мне снаружи делать?

– Помогать будешь.

Максим понятия не имел, чем он может помочь. Тем более, что товарищи сбитого почему-то не торопились оказать ему первую медицинскую помощь, а стали бить водителя. Значит, либо насмерть, либо ранение несерьезно, либо на него вообще наплевать.

– Я уже вызвал полицию и «Скорую».

– Вызвал? Молодец! А теперь выходи из машины.

– Я под дождь не пойду. У меня зонта нет, а костюм до- рогой.

– Вылазь давай, я кому говорю? Дождь, бя! – демон- странт ударил ногой в дверь такси. В этот момент второй демонстрант ударил в стекло желез- ным прутком. Стекло хруст- нуло.

«Ничего себе пикет!» — подумал Максим. — «Ничего себе мирная демонстрация! Арма- туру с собой приволокли или здесь нашарили? Как бы не убили».

В голове Максима вертелось множество совершенно бес- полезных мыслей, ни одну из которых он не мог додумать до конца, но и выбросить их из головы он тоже не мог: они помо- гали не думать о главном – о том, что сейчас будет, и что ему делать.

От второго удара стекло лопнуло и обдало успевшего за-крыть лицо руками Максима мелкими осколками, которые частью попали за воротник. Рука погромщика просунулась в машину и вытащила кнопку блокиратора замка.

Максим понимал, что сопротивление бессмысленно и даже вредно: им только и надо, чтобы он дал какой-то повод, чтобы получить настоящее удовольствие от избиения. Он понимал, что надо терпеть и тянуть время – его обязательно выручат.

Но время не тянулось – оно шло, и ему были безразличны чьи-то проблемы, страхи и желания.

Дверь автомобиля открылась, и сразу несколько рук, ухватив Максима за одежду, вытащили из машины и резко швырнули на землю, слегка размокшую от мелкого морсящего дождя.

«Хорошо, что жена положила еще костюм, – подумал Максим растягиваясь в грязи. – Не придется тратить деньги на новый». Подумав о жене, он почувствовал внутри прилив тепла и получил пинок в грудь.

«Да и хрен с ними. Пусть бьют». Он принял решение, и на душе от определенности стало сразу как-то легче.

– Ну что вам от меня надо? – с легкой занудцей заговорил он. – Ну ехали мы себе в аэропорт! Зачем было прыгать на нашу машину? Ну зачем, я вас спрашиваю?!

– О! Заговорил! – обрадовано отметил один из демонстрантов, схватив левой рукой Максима за грудки, толкнул его спиной к машине, одновременно отводя правую для удара и слегка прищуриваясь. – Сейчас все узнаешь!

Вой сирен подъезжающих на крейсерской скорости полицейских машин избавил Максима от совершенно ненужного ему знания. Боевики бросились в разные стороны, набиваясь в машины с явным стремлением скрыться как можно быстрее. Но успели уйти не все. Бронированный омовский «Тигр» протаранил уже стартовавший форденотступавших, и выскочившие «космонавты» с энтузиазмом принялись вязать и винтить.

Минуты две вокруг Максима царил полный бардак — кто-то бежал, кто-то кричал, кого-то били. Мелькали дубинки, брызнула кровь. Потом все неожиданно закончилось, как будто кто-то резко вырубил звук.

* * *

...Сеня, оказавшийся здоровенным мордатым хохлом, приехал, когда дело уже шло к концу: повязанных загрузили в машины, старухи, бородатые очкарики и остальные неопасные митингёры медленно, ворча и ругаясь, выбрасывая транспаранты на обочину, расходились.

– Ну в кого хоть врезались?

– Ох, черт, я и забыл! Он же до сих пор под машиной! Максим рванул к такси, но под колесами лежала толь-

ко мокрая от дождя фанерка с надписью «ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОД СУД!» и стонал избитый таксист.

– Народ совсем с ума спятил. А что вы хотите? Выборы. Пенсионный возраст подняли. Кризис кругом. Санкции, – рассуждал Сеня, одновременно крутя руль. – Не то, что в Европу поехать – в Турцию стало опасно летать. Развлечься негде. Вот и дурят. Вам, кстати, помощь не нужна?

Битый таксист скорчился на переднем пассажирском сиденье и в беседе участия не принимал.

– Нет, спасибо. Я тут сам сейчас, – кряхтел на заднем сиденье «Лексуса» Максим. Он пытался переодеться в чистый костюм, положенный в чемодан женой, не измазавшись о гряз-

ные ботинки, и вытряхнуть из-за шивороты битое стекло. После нескольких минут мучений Максим пришел к выводу, что, не снимая рубашки, расправиться со стеклом не получится. Он снял рубашку, рассмотрел ее и плюнул: спере- ди она была безбожно порвана. Максим скомкал рубашку и кинул ее вниз, под сиденья.

– Вот же скотина, испортил новую... Чёрт! Стекло застря- ло, у самой шеи воткнулось... Сенья тормознул у обочины, вылез из машины и взял дело в свои руки.

– Так! Давай-ка, повернись. Что там у нас? Ерунда ка- кая... Снимай майку – сейчас я тебя... – пропыхтел он. – Ну вот и все. Можно одеваться. На шею я тебе медицинский клей прыснул, можешь без пластыря ходить – ранка пустяш- ная. А синяк потом чем-нибудь сма- жешь. Ребра целы.

Когда снова поехали, и Максим кряхтя, стал снова натяги- вать на себя майку, Сенья с легкой ехидцей спросил:

– Ты, я смотрю, парень здоровый, тренированный, в ка- чалку, наверное, ходишь. Что ж ты всех не раскидал-то? Или галстук пожалел?

– Тебя.

– Меня? – вкусно хохотнул Сенья.

– Таскал бы ты сейчас трупы на обочину вместо того, чтобы меня в аэропорт везти, а я бы в наручниках в ментуре сидел. Если б не лежал.

– Да ты, брат, трепло! – положительно оценил качества пассажира Сенья.

Максим вздохнул и наконец, отчетливо понимая, что, сла- ва Богу, все закончилось, сооб- щил:

– За это и ценят. Парня на обратном пути забрось в боль- ничку, – Максим кивнул на таксиста. – В нашу. Оплата с мо- его счета.

* * *

После традиционного мытарства в аэропорту с бюро- кратами, бумажками, бесконеч- ными верификациями чипа в паспорте, досмотром и попыткой таможенников заставить Мак- сима заголиться, его, наконец, пропустили к взлетной площадке.

Для этой поездки – важнейшей и планировавшейся уже два года, начальство денег не пожалело. Фирма целиком зафрахтовала орбитальный лайнер первого класса «СуГ–55», поз- волявший добраться до другой части света не за 8—10, а за 2—3 часа. Их начали выпускать на заводе «Сухой» в прошлом, 2057 году, и даже простой билет стоил бешеных денег. Сам лай- нер, похожий на ярко-белого, как арктический лед, ска- та-манту, крепился к спине «тягача». Тяжелый самолет дол- жен был поднять «ската» к границе стратосферы и, отсоеди- нившись, уйти обратно. Лайнер же почти в космосе продолжал свой путь в далекие края.

Максим представил себе, как этот белый красавец мчится в надвоздушной черноте, и его замутило. Он ненавидел летать.

* * *

Максим поднялся на лифте к люку, приложил билет к сканеру. Сканер пискнул, и на экране появились его данные:

«Максим Константинович Токарев, 1-й класс, место 2-е, ряд первый» и его фотография. Максим приложил к сканеру палец, показал камере сетчатку и после разрешения вошел внутрь. Огромный салон лайнера, способный вместить не менее ста человек, был приспособлен под путешествие небольшого чис- ла VIP-ов и казался практически пустым. Люди в строгих дело- вых костюмах, числом не более десятка сидящие вокруг оборудованной на лайнере гологра- фической рабочей зоны, те- рялись на фоне сияющей белизны обстановки.

– Приветствую, господа! Простите за опоздание!

– Да уж, слышаны, – Юрий Сергеевич Макаров, «обо- жаемый босс», ласковым взглядом убийцы смерил Макси- ма сверху донизу, как будто прикидывая размеры гроба. – Ты когда начнешь пользоваться нашими водителями? Что бы я сейчас делал, если бы тебя по башке кирпичом огрели? Кто будет по канадцам работать?

– Нашли бы замену, – пробурчал Максим, осознавая, что лоханулся.

– Нашел бы, – ласково сказал Юрий Сергеевич, – но для этого мне потребовалось бы выложить очень круглую сумму. А человек был бы непроверенным – вот что непри- ятно. Из- за твоей дури дело было бы в руках неизвестно кого. Понял?

– Да понял я, понял...

– Нет, не понял. Канада – страна суверенная. На бумаге. А на самом деле всеми самыми важными делами для нас там рулят американцы и бритиши. Они уже полгода как стараются пронюхать, что надо от университета Торонто московскому ООО «Инновационные разработки», которое они уже видеть не могут – столько мы им насрали по всему миру. Я двадцать лет в разведке отработал – столько им не насрал, сколько за пять лет руководства нашей шарашкой. Два года назад мы у них увели профессора Гийа со всем проектом по напыляе- мым органическим кристаллам. Заметь – не просто техноло- гию сперли, а увели главную голову и треть лаборатории. Год назад ты сам мне делал документы по покупке никому не известной индийской фирмы и трудоустройству ее работников. И что? Теперь один из индусов едет с нашей группой, чтобы определить, как далеко продвинулся канадец. А они даже и не догадываются, кем мы там интересуемся и по какому поводу. Но поверь мне, – они очень постараются разузнать все наши планы. А разузнав – все нам тут испоганить. А ты? – пере- ходя к главному, шеф автоматически повысил голос – Что ты вытворяешь? Ты ***ней занимаешься! На бомбилах в аэропорт ездишь. Мальчишка! Как я тебя на работу после филфака тво- его взял зеленую, так ты зеленою и остался! Любого другого я бы уже спихнул куда-нибудь. Только уважение к твоей матери меня и держит. Мать у тебя умница! Вот еще в институте...

– Да, я знаю. Вы говорили. Умница, красавица, отлични- ца, спортсменка... И я на нее очень похож, только дурак.

– Ты не дурак. Нечего на себя наговаривать и пытаться таким образом оправдаться. Ты взрослеть не желаешь катего- рически! Не желаешь и не хочешь понять, что такое – делать как надо, от начала и до конца. Все время норовишь схалту- рить или развлечься. Надеешься на удачу и мозги. И то, и дру- гое у тебя, конечно, есть, но вот рассчитывать только на них ты права не имеешь! Нет у тебя такого права! Тщательность и порядочность! – шеф рубил ладонью воздух так, как буд- то превратился в автомат для нарезки хлеба. – Только тща- тельность и порядочность. И чувство долга. Ты должен делать дело не так, как хочешь, как тебе удобно, а так, как должен! Взрослым пора становится. А ты – сопляк. Так что я поста- раюсь, чтобы ты и вправду понял. Чтоб до печенки дошло. А чтобы понималось лучше, лишаю тебя премии за этот месяц и четверти бонуса за эту поездку. А чтоб дошло еще лучше, сидеть всю дорогу будешь рядом со мной – я знаю, ты этого терпеть не можешь.

Максим боялся летать и терпеть не мог момент отрыва самолета от полосы. Он стиснул зубы и глубоко вжался в кресло.

– Трусишь? Надо было выпить, – доброжелательно за- явил Юрий Сергеевич, присаживаясь рядом. Он выпил еще в Шереметьеве и, судя по всему, собирался проделать всю до- рогу в состоянии легкого подпития.

– Со страху пить – не в кайф. Надраться надерешься, а ни расслабиться, ни поболтать. Я лучше книгу читаю. Вот! – Максим похлопал рукой по толстому тому. — Сборник Станислава Лема. Нет ничего лучше, чем читать про инженеров Трурля и Клапауция, когда летишь на чем-то, что неизвестно кто проектировал и неизвестно кто обслуживает. Как-то больше веришь в человеческий разум.

– А я с твоего позволения... Сестричка! Мне виски! – Юрий Сергеевич помахал в воздухе рукой, как бы давая понять, что он в боевом настроении и готов общаться с «народом» попросту: похлопывать по плечу, бодрить, подмигивать и раздражать окружающих разными способами.

* * *

Максим понял, что почитать под аккомпанемент Юрия Сергеевича не получится, и включил встроенный в переднее кресло телевизор, вынул из подлокотника таблетку-наушник и сунул в ухо. По телевизору давали новости.

– На президентской пресс-конференции в Кремле посол США в России Дмитрий Талбот заявил, что расширение военной инфраструктуры России к границам США в Венесуэле, Кубе, Никарагуа и Колумбии является дестабилизирующим фактором и нарушает оборонный баланс на планете. Президент Российской Федерации Дмитрий Дмитриевич Волин отверг претензии, указав на сугубо мирный и оборонительный характер инициатив России. Он также заявил, что с момента распада НАТО российские инициативы носят исключительно мирный по отношению к США характер, направлены на укрепление инфраструктуры ООН и расширение зоны соблюдения фундаментальных прав человека. Все разногласия между двумя партнерскими странами могут быть урегулированы во время саммита глав государств Большой двадцатки, который должен начаться сегодня вечером, сразу после прибытия новоизбранного президента США Мохаммеда Сайкса.

– Индия подписала контракт на поставку пятнадцати танков российского производства Т-150 «Инок», которые идеально подходят для действий в условиях сильной радиации. Эти танки будут использоваться для боевого дежурства в районе Кашмира, где после Индийско-Пакистанского ядерного конфликта сохраняется высокий уровень радиации.

– Беспорядки в Париже, Берлине, Мадриде усилились. Полиция вынуждена применять боевое оружие. По пригородным кварталам наносятся авиационные удары.

– Радикальные исламисты – группа «Братья мусульмане» – объявили о своем суверенитете на территории Франции и Швеции. Беженцы в количестве почти трехсот тысяч человек ждут разрешений на переход границ сопредельных государств. Максим выключил звук и некоторое время смотрел на мое изображение. На экране мелькали разгромленные улицы, горящие машины, демонстранты, бросающие камни в полицию, и полиция, стреляющая в демонстрантов. Пролетели вертолеты. Под ними сразу вспыхнуло. Камера взяла крупный план, и огонь заполнил весь экран. Мир на экране горел. Мир стрелял.

Мир взрывался, бунтовал и подавлял. Мир кричал.

– Стюардесса! Сто пятьдесят водки, апельсиновый сок и крабовый салат!

* * *

– Уважаемые пассажиры! Пожалуйста, пристегнитесь! Наш лайнер набрал максимальную высоту. Возможны неприятные ощущения: головокружение, легкая тошнота. Пожалуйста, закрепите все лежащие на ваших столиках предметы в специальных пазах. Закройте емкости с жидкостями – стаканы и бутылки. Желающие могут полюбоваться видом нашей планеты в иллюминатор. Почти с такой же высоты когда-то смотрел на нее первый космонавт мира Юрий Гагарин.

«Не надо было пить, – подумал Максим, протирая глаза. – Не надо было пить водку, – мысленно конкретизировал он. – Сейчас мне станет плохо, а это совсем нехорошо». Мысль была настолько глубока и настолько точно отражала действительность, что Максим подумал ее еще несколько раз, пока пристраивался на кресле поудобнее и пристегивал ремень. Устроившись, он открыл шторку иллюминатора. Смотришь было страшно, но не посмотреть на Землю

с такой высо- ты было бы глупо. Потом можно будет рассказывать дочке, а она будет внима- тельно слушать и хорошо себя вести. Максим вспомнил, как они однажды сидели в ванной, и он рассказывал ей про море. Про то, как в нем много воды, про корабли, про веселых и добрых дельфинов. Про дядю Иву, живущего воз- ле самого моря, к которому они обязательно поедут в гости. Про то, какая у дяди Ивы большая белая борода, как у Деда Мороза. Он рассказывал и рассказывал, а дочка все слушала, смотрела на него, и он видел, как в ее глазах отражается все, о чем он говорит: море, корабли, лодка дяди Ивы, на которой они «непрерывно-пренепрерывно поедут кататься», сам дядя Ива. Чудо продолжалось до тех пор, пока в ванную не пришла

Ангела и не отправила Варю спать.

– Ты хорошо ей рассказывал.

– Любой будет хорошо рассказывать, если будут так слу- шать.

– Любого так слушать не будут. Иди ко мне, – улыбну- лась жена. – Ты очень, очень хороший.

* * *

Совершив над собой сверхусилие, Максим посмотрел в иллюминатор. Сначала голова немного закружилась, но Мак- сим взял себя в руки. Земля, которая на всех известных ему фотографиях всегда была голубой, сейчас была серо-синей, покрытой золотыми брызгами электрических огней. Жалко, что сейчас, наверное, будет падение и невесомость – придет- ся тратить все свои силы на то, чтобы не сбить. И то, навер- ное, напрасно. А так хочется посмотреть подольше – потом может получиться просто волшебный рассказ.

Лайнер слабо качнуло. Теперь лайнер будет медленно, по- том все быстрее и быстрее падать на планету, пока не призем- лится на построенную Россией площадку недалеко от Торонто.

Максим оглянулся на начальника через плечо. Начальник мирно спал, но сейчас ощущение падения разбудит его и не самым лучшим образом.

– Юрий Сергеевич! – Максим рукой потряс начальство за плечо. – Просыпайтесь. Сейчас падать будем.

– Вот всем «скаты» хороши, кроме одного – с непривыч- ки мутит сильно, – сказал, разлепляя глаза, начальник. – Пятка номер раз по китайскому каталогу.

Он перегнулся через Максима, чтобы посмотреть в иллю- минатор.

– Ну-ка, пусти-ка! – прокричал шеф. – Красота! Пого- ди-ка! А вот это вот что?

– Где?

– Вот это вот! Вот это что?! – голос шефа хрипел и спо- тыкался на словах – Что... это... такое?

Над планетой, маленькие, чуть заметные на расстоянии, плыли, начиная свое падение, десятка два железных зерен. И в тех местах, где эти зерна касались земли – у планеты откры- вались огненные глаза.

Десятками огненных глаз Земля изумленно смотрела на окружающий ее космос, словно гадая – зачем люди разбуди- ли ее?

Было тихо. Люди смотрели в иллюминаторы. Никто не кри- чал, не бился в истерике. Каждый переживал этот момент в одино- честве. Каждый сам задавал себе вопросы. Получится ли вернуть- ся? Будет ли куда вернуться? К кому? Зачем?

И ни один не находил ответа.

* * *

Второй пилот ушел в туалет и там застрелился из пистолета, предназначенного на случай захвата лайнера террористами. Максим помогал белой от ужаса и трясущейся стюардессе вытаскивать тело из фешенебельного, но почему-то единственного туалета лайнера.

Начальник службы безопасности лайнера в этот момент пытался установить связь с Москвой, с Торонто, хоть с кем-то.

Судя по количеству увиденных на поверхности Земли вспышек — а их было в пределах видимости около полутора десятков — конец света не наступил. Пока.

Около половины всех скоплений золотых брызг исчезло. Очевидно, наступили перебои с энергией. Где-то внизу сейчас умирают самые беспомощные: больные, дети, роженицы, старики. Те, кому не прожить без аппаратов искусственной вентиляции лёгких, принудительного кровообращения, света, тепла и просто без посторонней помощи.

По ногам Максима побежали мурашки. Такое иногда бывало с ним, когда ему доводилось видеть открытую рану или большую ссадину.

Попало ли по Москве? Ангелка с Варькой погибли? Или умирают прямо сейчас, вот прямо сейчас, когда Максим смотрит вниз? Лучевая болезнь, ожоги. Максим на секунду увидел лицо жены в ожогах. Сначала захотелось плакать, потом последовать примеру второго пилота и застрелиться. Потом нестерпимо сильно захотелось покурить и выпить водки. Так, чтобы сначала было противно, а потом стало тепло и полегчало. Он подошел к трясущейся и размывавшей тушь по лицу форменными белыми манжетами стюардессе.

– Водка есть?

– Е-есть.

В каюте стюардов все было разбито. Виновник разгрома — молодой пухлый парнишка лет двадцати в форме стюарда — сидел тут же на откидном стуле, уставившись в пол, и плакал.

– Это Давид. Он первый рейс с нами. У него родители в Нью-Йорке, бабушка в Питере, а дедушка в Израиле. В самых таких местах...

Максим захотел сделать доброе дело — парня надо было отвлечь.

– Давид! А где тут водка?

Давид поднял на Максима красные глаза, в которых плескался коктейль из боли... Не скрывая жгучей ненависти, откинулся затылком на стену и произнес:

– Не-на-ви-жу-у-у!

Максим почувствовал свою заботу настолько неуместной, свои благие намерения настолько ненужными, а себя — таким идиотом, что незамедлительно заткнулся и отошел к стюардессе, которая как раз достала из холодильника запотевшую бутылку «Столичной».

– Вот ваша водка.

– Спасибо. А курить есть?

– Вообще-то на борту нельзя, — стюардесса помялась, — но теперь уже как-то все равно. Держите.

– Давай на «ты».

– Давай.

– Я — Максим.

– Лена.

– Выпьешь?

– С одной стороны — почему бы и нет? А с другой стороны, я вроде как на работе.

– Да какая теперь работа,... Какая теперь... вообще хоть что-то теперь будет?

– Что-нибудь всегда будет. Так ты будешь пить или так и будешь стоять?

– Буду! — сказал Максим.

И не выпил. Поставил на стол фужер и, обойдя Лену-стюардессу, вышел из стюардской. На пороге он обернулся и отчетливо спокойно сказал:

– Ненавижу. И вышел.

– А что я такого сделала? – Лена растерянно развела руками.

– Это он не про тебя – Давид вытер лицо влажной салфеткой. – Это он про себя. Он все пытается испугаться, а не может. У него тоже семья в Москве, он все пытается испугаться за них, а у него не получается. И он себя за это ненавидит.

– А откуда...

– У меня дед в Израиле. Там с тех пор, как арабы стали объединяться, такое творится... не успеваешь ни испугаться, ни порадоваться.

* * *

Начальник безопасников вышел из кабины пилотов очень спокойный, подтянутый, степенный – полная противоположность тому, каким он туда входил. Он даже слегка улыбался.

– Дамы и господа! Порт в Торонто цел, функционирует и примет нас ровно через полтора часа.

Удивительно, как много шума могут создать десять человек, которых только что поставили в известность о том, что они не умрут, и жизнь не кончена. Рты незамедлительно раскрылись.

– А Москва! Москва цела?

– А что с Нижним?

– А Питер? Питер?!

– О Новосибе что-то слышно?

Молодой человек индийской внешности встал с кресла и, подойдя к безопаснику, что-то шепнул ему на ухо.

– Вот вы можете не волноваться, господин Варуна, – судя по всему, Индия не принимала участия в конфликте. Со- всем. Но это все, что мне на данный момент известно. О России мне неизвестно ничего.

– Вы нам скажете, наконец, что вообще случилось? Или так и будете улыбаться, как идиот, и шептаться тут? – шеф раздраженно тискал галстук и вот-вот должен был выйти из себя окончательно. – Вы понимаете, что тут люди, которые семьи дома оставили? Вы можете сообщить хотя бы масштабы произошедшего?

Безопасник каким-то механическим движением потрогал дужку очков.

– Юрий Сергеевич, если я не ошибаюсь?

– Да. Меня именно так зовут, и вы это отлично знаете, Роман. И вы знаете, что я знаю, и так далее, и тому подобное.

– Роман Викторович, если позволите.

– Хорошо! – шеф все больше и больше раздражался. – Роман Викторович! Теперь, когда мы выяснили с вашим именем-отчеством, вы не могли бы рассказать нам, что там... – шеф ткнул пальцем в пол, – происходит?

– Я уже говорил, что о России ничего узнать не удалось. К сожалению. Очевидно, что Россия была каким-либо образом втянута в конфликт. – Роман говорил, как конфету разворачивал. И фантик красивый, и вот-вот сладко будет, но почему-то не хочется эту конфету брать.

– И каковы масштабы... конфликта? – уже спокойно и сухо спросил Юрий Сергеевич.

– Неизвестно. Но предположительно около десятка боеголовок с обеих сторон. Вроде бы как полностью уничтожен Китай.

– С обеих? То есть число воюющих сторон известно?

– На самом деле нет. Но можно предположить, что участвовали Россия и Китай. Больше-то – некому.

– Очень сомневаюсь, Роман Викторович. Очень сомневаюсь. – Юрий Сергеевич посту- чал пальцами по спинке кресла.

– Ни китайские ракеты, ни российские мы бы не смогли на- блюдать из этой точки про- странства. Мне это также очевидно, как и вам. Что мне непонятно, так это то, зачем вы нам тут по ушам ездите. Максим! – Юрий Сергеич помахал рукой в сторо- ну дальнего конца салона. – Пойдем-ка, поговорим. Тема есть.

В хвосте лайнера было уютнее из-за отсутствия большого количества перепуганных людей. Нос был настолько перепол- нен человеческим страхом, который вытеснял все осталь- ное: мысли, разум, волю – все. В этом вязком киселе было совер- шенно невозможно думать. Невозможно было принять хоть какое-нибудь решение. Там невозможно было решительно все, кроме соучастия в коллективных эмоциях, захлестывающих и топящих остатки индивидуаль- ности.

– Максим! – Юрий Сергеевич говорил тихо, но отчет- ливо и твердо, – сынок... Сынок! – повторил он уже как-то неодобрительно. – Я в свои двадцать пять капитаном раз- ведки уже был. А ты все «сынок». Хреново это. Впрочем, есть шанс, что сейчас ты ускоренно повзросле- ешь, – и мрачно добавил. – Может быть...

Быстрым движением достал из кармана пиджака сотовый телефон.

– Вот, держи. Смотри, значит... На жестком диске это- го телефона – информация, кото- рая может быть достаточно важной кое для чего. Отдашь телефон профессору Новосибир- ского государственного университета Салиму Алиеву. Или, если будет такая возможность, директору ФСБ Пименову Ро- ману Романовичу, если он жив еще, конечно. – Юрий Серге- евич в который раз вздохнул. – Что, впрочем, маловероятно. Скажешь, что от меня приехал.

– Юрий Сергеич, а может, Новосибирска-то и нет уже.

Там же столько всего...

– Не волнуйся, сынок. Если бы Новосибирска не было, то лететь нам было бы уже некуда. Точно тебе говорю. Канада бы рейсы не принимала за отсутствием Канады как таковой. Есть такие города, которые трогать нельзя даже во время ядерной заварушки. Ну если, конечно, ты не добиваешься полного... Кстати, странная такая заварушка, – задумчиво протянул Юрий Сергеевич, – никак не напоминает эротические гре- зы наших патрио-идиотов о войне до пол- ной или полного. Занятно это, – он мотнул головой, словно очнувшись, и про- должил. – Тот дебил, – на слове «дебил» Юрий Сергеевич демонстративно повысил голос и ткнул пальцем в обернувшег- ося Романа Викторовича. – Так вот, тот дебил, хоть мозгов у него нет, но зато хитрость работает, смикитил, что Москва-то еще существует, но сейчас не пользуется боль- шой популярно- стью. Он решил тут неплохо устроиться. У него, как говорит- ся, товар, у них – купец. Товар — это мы, если кто не понял. Продаются русские шпионы. То, что шпи- оны промышленные, по нынешним временам – все равно. Так что у трапа нас пла- нируется сгрести в охапку и отвезти в местную контрразвед- ку, после чего нас передадут ЦРУ. Это я тебе гарантирую. Мне этого не миновать, а вот телефону туда никак нельзя. Телефо- ну надо в Новосибирск ехать. Сейчас я свяжусь с пилотом, и все упоминания о тебе из памяти самолета уничтожат. Пер- сонал какое-то время о тебе тоже не вспомнит. Многого, ко- нечно, от них требовать нельзя, но пара часов после посадки у тебя будет.

– Юрий Сергеич! Вы что?! Как я попаду из Торонто в Но- восиб?! У меня деньги все на карточке! У меня даже теплой одежды нет. У меня ничего нет!

Максим был более не в состоянии сдерживаться. Если бы он мог закричать, он закричал бы, но горло перехватило спаз- мом, и он хрипел на начальника, глядя на него с ненавистью. Из глаз неожиданно покатались крупные слёзы.

– У меня же больше ничего нет! Больше нет! Понима- ете вы или нет? Где ваша семья? На Канарах? В Британии? На Мальдивах? А у меня... у меня все там! Там! – Максим хрипел,

схватив себя за горло, пытаясь как-то разжать тиски спазма. – Слышишь ты, старый хрен? Это такие, как ты, во- нючие старпёры устроили все это. Будьте вы прокляты!

– Ты поплачь, поплачь. Время есть еще. Минут эдак де- сять. А пока ты плачешь, я тебе покажу тут кое-что. Смотри – в телефоне аккумулятора нет. Он на батареях. Вот тебе коро- бочка. Покупаешь новые, выбрасываешь старые, и он снова работает. Запомни: бата- рейки должны быть в телефоне всегда. Он так устроен, что если энергии два часа не будет, информация просто сотрется. Номер опознавания в нем отсутствует. Но ты его все равно не включай – от греха подальше. Вот тут номер телефона, адрес моего старого друга. Зовут Сти- вен Арчер. Жи- вет в городишке Игл, по-нашему – Орел. Это на самой грани- це Аляски и Канады. Свяжись с ним, скажешь, что от Юргена. Он тебе поможет. Это не рабочий контакт, а личный. Все понят- но? Правда, сотовая связь ближайшие несколько дней работать не будет. А может быть, и не дней, а месяцев. Как все сделаешь, телефон Салиму отдашь, можешь счи- тать себя свободным. По- езжай в Москву, узнай, как там семья, и все такое. Если будет не в тягость, заверни на Ленинский проспект вот по этому адресоч- ку, – шеф потянул Максиму карточку, – узнай, как там мои. Успели из Польши вернуться или нет. Они у меня в турпоездку ездили. Как раз сегодня должны были вернуться. А то, что по Польше либо наши, либо ихние ударили, я даже и не сомнева- юсь. Слишком много там «дружественных» радиоэлектронных потрохов набито. М-да. Жене расскажешь все, как было, только чтобы дочь не слышала. Она вроде как на таком же сроке, как и твоя жена. Я все мечтал этого засранца, что мою Машку обрю- хатил, найти... А сейчас думаю: спасибо тебе, засранец неведо- мый, за то, что хоть за живот дочкин подержаться успел...

Максим сидел на корточках, привалившись к стене. Не- ожиданная истерика его опусто- шила, но стало как-то легче. В голове звенело. Все было пофигу, и в этом пофигизме появи- лась уверенность, что все не просто так – ему опять, как всег- да в жизни, здорово повезло, надо только не облажаться и вос- пользоваться шансом на полную катушку – успеть в Москву до того, как с женой и дочкой случится что-то плохое. Потому что сейчас с ними все в порядке. По-другому и думать нельзя.

– Мне все ясно. Мой шеф – маньяк, меня застрелят. Не ясно только, как меня не возьмут вместе со всеми в лайне- ре. Что вы, зубр разведки, мне на это скажете?

– Ты меня еще старым мудаком назови. Будет не так куль- турно, но хотя бы точки над «ё» расставим. Я тебя спрячу в лайнере. Когда нас повяжут, вылезешь и уйдёшь. Имей в виду: возле лайнера оставят караул. Что ты с ним будешь делать, мне безразлично. Считаю, что ты на вражеской территории. Оружие я сейчас тебе устрою. Денег тысяч пятьдесят тоже. Правда, не знаю, как они сейчас котируются. Это зависит от того, сколь- ко осталось от США. Кстати, по курсу валюты это можно бу- дет определить достаточно точно без всяких сводок с фронтов. С уходом из лайнера не тани – подъедет специальная команда и вывернет весь лайнер наизнанку. Так что уходи как можно быстрее.

– Да валяйте, Юрий Сергеич. Родных ваших провожаю.

Обещаю.

– Ну вот и молодец.

– Только одна вещь.

– Ну?

– Если мне не очень повезет, позаботьтесь там о моих.

Проконтролируйте.

– Конечно, милый ты мой! Конечно! – Юрий Сергеич снова вдруг стал очень громким, улыбающимся и картинно обхватил Максима за плечи. – А давай-ка, друг мой, по ко- ньячку! Перед посадочкой хорошо бы успеть! А? Сходи-ка коньячку принеси? Роман Викторович! – шеф повернулся к безопаснику. – Давайте-ка заодно и мировую, и начало но- вого бизнеса

отметим. Я тут сделал Максиму Константиновичу предложение возглавить наше новое дело в Канаде, и он согласился. Такое совершенно необходимо отметить.

– Нашли время, – безопасник неохотно подошел к шефу и ехидно осведомился. – Гробами торговать вздумали?

– Ну что вы! По нынешним временам гробы — вещь не- популярная. Думаем с Максимом заняться производством радиодезактиваторов по нашим патентам. С радиацией будем бороться. Дело актуальное, полезное. В некотором смысле — даже богоугодное.

Шеф вынул из кармана складной стаканчик и артистично его раскрыл, резко взмахнув рукой.

– Максим! Наливай!

Струя коньяка полилась в пластиковый стаканчик.

– Ну а вы, дражайший Роман Викторович, не желаете к нам присоединиться?

– В качестве кого? Чем я у вас буду заниматься?

– А тем же, чем и здесь, но уровень будет повыше. Будете обеспечивать безопасность огромной корпорации.

– Интересные предложения делаете! – усмехнулся безопасник. – Даже не знаю, что вам ответить. Простите мой скепсис.

– Это ничего, дорогой мой. – Юрий Сергеич излучал оптимизм. – Вы подумайте, а потом уже будете решать. Правда, не слишком долго. Думаю, что на это место будет немало претендентов.

Улыбка, которой одарил при этом бывший разведчик безопасника, была достойна незамедлительного фотографирования и помещения в палату мер и весов как образец улыбки уверенного в себе, оптимистичного сукина сына, которую нужно запомнить на всю жизнь и никогда такой улыбке не доверять.

– Впрочем, неважно. Давайте-ка пока немного расслабимся. Чёрт. Все это меня настолько выбило из колеи, что просто страшно сказать. Я с перепугу даже забыл, что семья не в России... Ладно, давайте выпьем за то, чтобы все наши близкие были живы и здоровы. Прошу вас-с... еще и лимончик.

С этими словами он протянул безопаснику стаканчик, наполненный коньяком, и кусочек лимона. Безопасник встал, одернул пиджак и, громогласно произнес: «За здоровье и безопасность наших близких!», выпил. После этого он залихватски нюхнул рукав и сунул в рот лимон. Разжевать лимон он уже не смог. Глаза его остекленели, он пошатнулся и упал в гостеприимные руки Юрия Сергеевича.

Шеф аккуратно усадил безопасника в кресле, подложив под голову подушку.

– Вот такая трагедия. Думал, скотина такая, сдать нас всех по описи. Отметить захотел и надрался, – как-то ласково и с удовольствием произнес он. – Такое с этими русскими алкоголиками бывает – даже предать не могут как следует. Не сложилась у парня карьера. А я, между прочим, уже лет двадцать никого не травил. Думал, что и навык утерян. А руки-то помнят. Помнят руки-то...

В ответ на изумленные взгляды окружающих шеф продолжил.

– Ну, сами посудите: если бы я хотел его просто убить – убил бы. Делов-то! Но это бы вызвало подозрения у товарищей, которые будут встречать нас у трапа. А так – все просто и объяснимо. Стресс, амбиции и все такое. Говорить он не сможет теперь часов пять-шесть. А больше нам и не надо. Представляю, как парень, с которым он договаривался о нашем аресте, будет хлестать его по роже, чтобы вырвать из этого организма хоть слово. – Шеф мерзко захихикал, одновременно пытаясь закрыть рукой дёргающуюся щёку. – Всегда любил делать людям гадости. С детства. Особенно таким, как этот.

– Значит так! – продолжил он уже серьезно. – Господа сотрудники, господа персонал! Мне от вас нужно только одно – молчать о том, что среди нас был Максим, в течение двух

часов после того, как нас арестуют. А нас, если вы этого еще не поняли, арестуют. Два часа. О большем не прошу. На всякий случай могу добавить, что тот, кто сейчас спрячет от меня глазки и будет вести себя недостаточно искренне, имеет все шансы застрелиться или надраться в компании с нашим начальником безопасности.

На этих словах он похлопал отрубившегося безопасника по плечу, отчего тот слегка сполз вниз по мягкому креслу.

– Ну как? Всем понятно?

И не дождавшись ответа, схватил Максима за руку и потащил в хвост.

* * *

В хвостовом тамбуре Юрий Сергеевич достал бумажник, разорвал подкладку и вытащил три пластиковые карточки.

– Значит, так. Вот три счёта. Одна карта существует в единственном экземпляре. Вот эта, желтая. На счету около двадцати тысяч долларов США. Вот эти две – в евро. На си-ней десятка и на красной столько же. Но у этих счетов могут быть другие пользователи, так что снимай быстрее. Вот пин-коды. Понял?

– Да.

– Теперь насчет снаряжения...

Шеф подошел к стенке тамбура, отделяющей его от грузового отделения, и, достав из бумажника магнитную карточку, прислонил ее к одному из квадратов пластиковой обивки на уровне груди. Квадратик пискнул и открылся, продемонстрировав лаз в какое-то помещение, размерами не намного превышающее гроб.

– Так. Залезай туда. Там тесно, так что вдвоем мы не поместимся. Я тебе буду говорить, что делать, а ты уж будь добр...

Максим, кряхтя, полез в люк, а Юрий Сергеевич продолжил давать распоряжения. Лицо у него совершенно успокоилось, голос перестал «давать петуха». В памяти ожили слегка подзабытые инструкции, заученные десятилетия назад. Вернувшись памятью назад на многие годы, шеф не только вспомнил то, что он когда-то учил, но и вернулся к тому ощущению, которое у него было в годы собственного физического расцвета. Его движения стали увереннее, живот слегка подтянулся, следы усталости и испуга убежали с лица и спрятались где-то в морщинках. Он на какое-то время снова превратился в неутомимого службиста, думающего не о завтрашнем дне, а живущего одной — вот этой самой — минутой. И в этой минуте было то, от чего не может отказаться ни один погононосец — натаскивание салаги.

– Свет справа от тебя должен включаться. Включил? Теперь посмотри слева от себя. Там должна быть дверка такая... с кодовым замком. Нашел? Набери четыре ноля и открывай. Открыл? Давай все, что там есть. Шевелись, давай. Времени у нас уже очень и очень мало. Давай, чего у тебя там.

Максим вытолкнул в руки шефа объемистую, размером почти с человека черную сумку и вышел следом.

Юрий Сергеевич быстро расстегнул клапаны, молнию и начал выгружать содержимое.

– Так, ну, акваланг тебе не понадобится, слава Богу. Парашют – тоже.

– Почему?

– Потому что ты не умеешь ими пользоваться. Дальше у нас идет оружие. Ну на охоте ты со мной бывал, можешь сказать мне спасибо. Если бы я тебя лично сам за шкуру на дачу к себе не вытаскивал, что бы мы сейчас делали? Так! Смотри: вот это – специальный бесшумный пистолет «Вул-2». Бесшумен абсолютно – у него электрозапал, так что даже щелчка не будет. Гильза остается в стволе. Гильзы, кстати, по инструкции, ты выбрасывать не должен – они секретные, а должен при перезарядке спрятать в карман и уже потом где-нибудь гарантированно уничтожить. Но имей в виду: гильзы стремные. Они после выстрела под давлением,

и могут взорваться, поэтому, будь добр, не дави на них, не бей и не ковыряй. Вот так вот переламинаешь пистолет, вот так вставляешь в стволы патроны. В первый и во второй, – говорил шеф, одновременно ловко проделывая именуемые операции, – снимаешь предохранитель и все. Пистолет готов к стрельбе. Это пистолет для профессионалов. Ты, конечно, не профессионал, но придется постараться. Вот это — кобура скрытого ношения. Сам пистоль керамический, металлодетекторы его не секут.

Юрий Сергеич расстегнул на Максиме рубашку и прямо на голое тело наклеил кобуру и засунул в нее пистолет.

– Вот так хорошо. Если не будешь мыться в бензине, не отлипнет несколько дней. Потом будешь пластырем приматывать. Пистолет, кстати, мочить нельзя – испортишь батарейки и контакты. На кобуре слева и справа по восемь патронов. Береги. Так... – Юрий Сергеич достал из сумки помповое ружье, затем штурмовую винтовку, – эти дуры тебе не нужны. Не унесешь ты их никуда в аэропорту. С такой дурой по аэропорту может бегать только кретин. Так-с, что там у нас? О! Вот это можно и даже нужно! – шеф достал из сумки маленький чемоданчик и, щелкнув запорами, открыл его. – Отличная вещь! Пистолет-пулемет «Клён». Собрать может даже такой салага, как ты. Попробуй.

Приняв правила игры «матерый вояка обучает новичка», Максим присел на корточки и начал собирать пистолет. Он принял решение запоминать и выполнять все, что говорил Юрий Сергеевич. Ему сейчас необходимы принципиально новые умения из области, которой он ранее почти не касался, считая не своим делом, и единственное, что его могло выручить, это профессиональная цепкая память, обучаемость, внимание к деталям и везение, которым Максим даже гордился. Он часто говорил друзьям, что ему «везет всегда, во всем и со всеми, а если не везет, то это значит, все равно повезло, но по-другому». Повезло и сейчас. Только надо это везение приласкать, оставить себе, удержать, чтобы не пропало, не исчезло, махнув на прощание пушистым хвостом. «Господь любит младенцев и придурков, а потому не будем притворяться умнее, чем есть, а станем поступать как младенец и придурок одновременно – верить и слушаться, верить и слушаться, – думал Максим. – Как же там было-то? “И не убоюсь я идти долиной смертной тени...”». Ну ладно, это потом, а пока – собирать пистолет. Собрать пистолет».

Он собрал чертов пистолет. Он сделал это аккуратно, не слишком быстро, рассматривая каждую деталь, понимая ее назначение и только потом соединяя с другой, уже осмотренной деталью. Последними Максим прикрепил довольно большой глушитель и линзу коллиматора.

– Вот.

– Молоде-е-ец! – покачал головой шеф. – Честно говоря, я хоть и сказал, что каждый салага его соберет, но, на самом деле, был уверен, что ты не сможешь. Это ж я так, для красного словца сказал. Видно, ты не безнадежен. Соображаешь, что к чему. И вот всегда так делай – думай, что собираешься сделать. И с чем собираешься – тоже думай. Но больше всего — слышишь? — больше всего думай «с кем?». Этот вопрос, я тебе скажу, всегда самый важный для нашего дела. Всегда думай о том, кто рядом с тобой и кто против тебя. Какие мотивы, возможности, тайны, страсти. Будешь понимать людей – будешь побеждать всегда. В людях нет мелочей. Запомнил? Нет мелочей в людях! Не бывает. Разбирай и собирай каждого человека по винтику, пока не изучишь.

Так, что там у нас дальше? Гранаты... вот смотри – две дымовые, четыре с сонным газом, две слезоточивые и взрывчатка с таймером. Нахрена она тебе? Но можно взять, на всякий случай, – гранаты Юрий Сергеевич засунул в широкий пояс, а взрывчатку отложил в сторонку. – Так. Теперь одежда. – Юрий Сергеевич вытащил из сумки целлофановый пакет. – Снимай с себя все. Носки снимай тоже. Трусы можно оставить. Хотя... – тут он задумался... – Нет. Трусы тоже снимай. На вот, надень эти. Они, конечно не очень...

– А зачем трусы-то? – недоуменно спросил Максим, одновременно заголяясь.

– Поспрашивай у меня тут! А если тебе раздеваться придется? В больнице, например! Или... или еще где? Сверху обычная одежда, а трусы за 150 баксов, подаренные любимой женой! Непоняточка может произойти. Вот эти наденешь, – шеф протянул Максиму пакет. – Полная срань, синтетика. В самый раз для неприметного члена местного общества. Как они в этом ходят, не понимаю.

* * *

Через десять минут Максим был обряжен в синие брюки, напоминающие костюмы сотрудников вспомогательных служб аэропортов, синюю куртку, которая, как и брюки, была похожа решительно на все, что носят простые работающие парни, трудящиеся во всех аэропортах мира, высокие теплые ботинки, бейсболку и темные очки. В руки Максиму шеф сунул пластмассовый чемоданчик для переноски инструментов, с каким обычно ходят рабочие — от obsługi аэропортов до сантехников. В чемоданчике был собранный пистолет со сменными обоймами, аптечка, сухой паек, нож, мультитул. Сверху все это было накрыто пластиковым поддончиком, на котором были закреплены отвертки и гаечные ключи.

– Красавец! – шеф взял Максима за плечи и несколько раз повернул его. – Ты челюсть-то только не выпячивай. Спрячь. Не Шварценеггер. Ладно, с Богом. Полежай, давай. И постарайся не заблевать одежду.

Пока Максим, кряхтя, лез в тайник, за его спиной Юрий Сергеевич быстро его перекрестил, после чего слегка подтолкнул, как будто не столько хотел помочь, сколько прикоснуться на прощание, и закрыл дверцу.

– Давай, везунчик. Храни тебя Бог! – и добавил: – Если он, конечно, есть.

* * *

Во время посадки Максиму опять было плохо. Его несколько раз вырвало желчью. В отсеке воняло блевотиной, и было нечем дышать. От вони и волнения Максима несколько раз накрывали приступы клаустрофобии. Он лежал, стараясь не вляпаться в зловонную лужу. «Все вот-вот кончится. Все скоро кончится!» – уговаривал себя Максим. «А что потом? Потом-то что? Не страшно? — отзывался внутренний голос. – Потом – будет потом. Главное, что не сейчас. Сейчас главное – перестать блевать. Все остальное не так уж и важно».

Лайнер стремительно падал. Оттого, что невозможно было посмотреть в иллюминатор и увидеть приближающуюся землю, казалось, что падение будет бесконечным. Поэтому, когда пол вдруг неожиданно врезал по губам, Максим сильно удивился. После чего получил вторично по носу и счел за лучшее слегка приподняться на локтях. Не помогло. Следующие три удара бросили его вперед, Максим въехал макушкой в бронированную дверь, еще раз треснулся носом и благополучно рассек бровь.

«Вот спасибо! Вот спасибо! Хорошо-то как! Отлично просто! Узнаю Родину – никакой мягкой обивки. Ничего. Даже на диверсантах экономим. Так и застрелить не успеют – сам расшибусь».

Лайнер еще какое-то время накатывал круги возле аэропорта и остановился. После была долгая тишина. Потом неожиданно кто-то крикнул совсем рядом. Раздалась приглушенная автоматная очередь. Затем снова все стихло.

Через некоторое время, устав от тишины, Максим включил маленький экранчик, находившийся на правой стенке отсека, и начал переключаться между камерами, смонтированными в потолок каждого из отсеков.

– Так. Лайнер уже пустой. наших всех взяли. В моем отсеке один. Вооружен каким-то пистолетом-пулеметом... в тяжелой штормовой броне. Плохо. Черт его знает, пробивает то, что у меня есть, такие доспехи или нет. Может получится неудобно – помру я здесь с

простреленной башкой, а жена с дочкой даже и не узнают, где я пропал. «А ты уверен, что они все еще живы?» – внутренний голос Максима обладал удивительно мерзкими интонациями.

Ужас тихонько выполз откуда-то из желудка, прополз ледяной рукой по пищеводу и, ухватив за горло, начал душить. Рот Максима искривился, лицо как будто скомкалось, из глаз брызнуло. Максим скукожился, подтянув колени к подбородку, и тихонечко замычал.

– Интересно, кто там кричал? Кого застрелили? – второй внутренний голос говорил тихо, но вполне отчетливо.

– Главное, что пока не меня. А если не меня, значит, я смогу выйти и сделать все, что смогу, чтобы добраться домой. Максим помассировал лицо, изгоняя с него следы истерики, и снова уставился на экран и защелкал кнопками.

– Так. Вот оно. Первый пилот отлетелся.

Камера показывала сверху лежащее на спине тело первого пилота в залитой кровью форме. Пилот лежал, открыв рот, и можно было увидеть, что верхние зубы были выбиты. Рядом стояли двое, в руках — штурмовые винтовки.

– Что ж ты сделал-то, что тебя застрелили? Видно, хороший ты был человек.

Максим залез в пояс и достал горсть гранат – цилиндров толщиной в два пальца.

– Какая из них дымовая, какая сонная, а какая слезоточивая? Какая должна быть маркировка? Юрий Сергеич мне показывал, но я прослушал. Черт! О чем я думал? О том, какой я умный, кажется. Идиот! – Максим еще раз попытался вспомнить тот момент, когда шеф ему рассказывал про маркировку. Вот шеф достает, кладет их в пояс, говорит что-то про пояс, поворачивает голову и... И? – Максим подергал себя за нос. – Ну и? Он говорит: «... желтый маркер – слезоточивые». А у нас есть еще синие и красные. То, что красные могут быть сонными, маловероятно – красный цвет возбуждает. Хотя... кто поймет маньяков из ВПК? Но будем считать, что сонные гранаты – гранаты с синей маркировкой. Синий фон успокаивает, так что с ассоциативным рядом тут все хорошо.

Пора действовать.

– Господи, убереги меня, мудака...

Произнеся такую нехитрую и не очень приличную молитву, Максим нажал на кнопку замка дверцы отсека. Дверца открылась без щелчка, и Максим, выдернув кольцо, высунулся из люка до пояса и, стараясь даже не дышать, аккуратно положил гранату за спиной у солдата. После этого он так же тихо отполз обратно, и уже закрывая за собой дверцу, услышал едва слышный чпокающий звук. Это пошел газ.

Максим плотно закрыл дверцу, напятил вытащенный из сумки противогаз и уставился на экранчик. На экранчике солдат канадской армии активно боролся со сном. Сон побеждал. Максим, глядя на мучения солдата, нервно зевнул и испугался. Он поморгал, помотал головой, но все было в порядке. Спать не хотелось. Зевота действительно была просто своеобразной нервной реакцией на стресс.

Тем временем солдат на картинке привалился к стеночке и сладко уснул. Возможно, он видел во сне что-то приятное. Во всяком случае, Максиму хотелось на это надеяться. Максим пощелкал переключателем и нашел ту пару, что стояли над мертвым пилотом. Теперь они передвинулись глубже в салон, а вход охраняла пара новеньких.

Дела шли отвратительно.

Максим достал еще две гранаты с синей маркировкой, выдернул кольца и, открыв дверцу, бросил их на пол, а потом, размахнувшись, с силой врезал кулаком по стенке. После этого он опять заполз внутрь отсека и уставился на экран. На экране было уже только двое вооруженных людей – те, что стояли у двери. Пока план работал.

Максим переключил камеру на отсек со спящим солдатом. Двое вошли, увидели лежащего на полу товарища и немедленно взяли оружие наизготовку. Один попытался открыть

дверь багажного отсека, но та была заперта. Второй в этот момент тормозил спящего товарища.

И тут Максиму крупно повезло еще раз. Солдат, который пытался открыть дверь, сначала ударил в дверь ногой, а потом, не добившись результата и, очевидно, не ожидая, что дверь окажется бронированной, выстрелил в нее из автомата. Взвизгнул рикошет, и солдат, тормозивший спящего, упал, раненый в ключицу.

Еще двое солдат, те самые, что караулили вход, ворвались в тамбур. Они быстро повели стволами винтовок по углам и, не обнаружив никого, повернулись к своим. В этот момент тот, что был ранен, уже крепко спал, медленно теряя кровь, а вместе с ней и жизнь, а второй – тот, что стрелял, – усиленно клевал носом, не в состоянии понять, что с ним происходит.

Обнаружить гранаты и вызвать подмогу позволить было никак нельзя. Необходимо было что-то делать. Это «что-то» никак не могло обмануть Максима, хотя и пыталось. Поддайся он на эту обманку – легко было бы запаниковать, сжаться в комок или, наоборот, забиться в истерику и таким образом испортить все начатое. К счастью, у Максима, отчасти благодаря стрессу, был ясный ум, который не позволил ситуации обмануть себя. Максим понимал, что за маской «что-то делать» скрывалось прозаичное «убивать». Надо было убивать. Он совершенно неожиданно для себя принял это совершенно спокойно, лишь слегка дрогнуло сердце. Он взял в руку

«Клен», переключил на автоматический огонь, передернул затвор, толкнул другой рукой дверцу и, вывалившись в тамбур, дал длинную очередь.

Его опасения оказались совершенно напрасными. Пули были бронебойными. Они легко пробили бронежилеты, каски, вошли в тела и, пройдя через них, вышли с обратной стороны. Хотя пистолет при стрельбе шума почти не издавал, но звон, который производили пули, ударяясь в обшивку, – оглушал.

Пистолет за считанные мгновения выпалил весь запас патронов, замолк, и наступила тишина. Максим с сопением торопливо заменил обойму и щелкнул затвором. Солдат, что был ранен в самом начале, шевельнулся, и Максим, еще до того, как успел сообразить, что делает, выстрелил ему в голову.

«С дебютом тебя, чудовище! – поздравил он себя. – Ну как? Гордишься собой? Или сейчас не время для неудобных вопросов? Ну извини».

Он отступил назад, засунул руку в отсек, вытащил оттуда рюкзачок и чемоданчик. Рюкзачок надел на спину, в чемоданчик сунул теплый «Клен», осмотрел себя – не осталось ли крови. После этого захлопнул люк и быстро направился к трапу. Перед самым выходом он стянул противогаз и, размахнувшись, кинул его в глубину салона. Надел кепи, солнцезащитные очки и вышел под небо гостеприимной Канады.

* * *

Пока Максим шагал к зданию аэропорта, в голову лезла всякая ерунда. В основном какие-то фразы из детского мультсборника, который очень любила смотреть Варя: «Я тучка-тучка-тучка, а вовсе не медведь, и как приятно тучке по небу лететь... Я – лучшее в мире привидение с мотором. Сейчас я вас настигну, тут-то мы и поохочем...».

Так, бормоча себе под нос, Максим прошел все поле, вошел в здание аэровокзала, прошел и его. Миновал четыре поста охраны и еще пост полиции у входа.

«Да, ребята, не готовы вы к войне. Это ж черт знает что. Это ж какие счастливые люди тут живут? Они же совершенно не понимают, что такое война. Ох, мать моя Европа...»

Ну, а что собственно? Их Первая мировая миновала, Вторая мировая миновала. Что можно ожидать от них? Они же, хоть весь мир пропади, будут думать о... а о чем они сейчас думают? О чем думают дети, играя в песочнице? О том, что делают что-то очень важное,

наверное. Интересно, что у нас сейчас творится? Наверное, полная жопа. Господи-господи, помоги мне...».

На стоянке он сел в первое же такси и на хорошем фран- цузском скомандовал:
– К банку.

* * *

За неделю у Максима выросла весьма приличная щетина, что, впрочем, очень подходило к его новому облику: бейсболка, куртка с капюшоном, джинсы, теплые туристические кроссовки. Обычный молодой разгильдяй, каких достаточно в любой стране. Это легко позволяло входить в доверие к водителям ав- томобилей, которые нужны были Максиму как воздух. Арендовать машину он не мог – для этого бы потребовались докумен- ты, которых не было. Он мог бы дать взятку, денег снятых им с карточек, вполне хватило бы – на дне рюкзака лежали три ты- сячи канадских и двадцать тысяч американских долларов плюс почти двадцать тысяч евро. Но Максим считал за благо не риско- вать и не проверять законопослушность местного населения. Приходилось передвигаться автостопом. Кроме того, водители были источником ценной информации. Они охотно делились подробностями своей жизни, а заодно и сплетнями, слу- хаами и теориями. Собственно, за этим человек и подбирает попутчи- ков – ему нужен слуша- тель. Иногда в салоне работало радио, а иногда и телевизор.

За неделю путешествия Максим узнал многое. Виновата во всем была, естественно, Рос- сия. Россия нанесла ничем не спровоцированные ядерные удары по Китаю и США в тот мо- мент, когда лидеры этих стран находились в Москве. При этом незадолго до атаки лидеры Китая и США были злодейски уби- ты, что, очевидно, и дало русским возможность рассчиты- вать на успех превентивного ядерного удара. США, Европа и Китай ответили, и теперь Россия безнадежно разгромлена, поверже- на и умоляет о пощаде. Ура! Ура!

Максим еще ничего не знал, но чувствовал по количеству недомолвок – врут! Врут как черти!

Естественно, ввали. Через сутки выяснилось, что Китай раздолбили в труху. Жестоко и эффективно. Ядерные заряды поразили высокие русла рек Янцзы и Хуанхе, и волна смыва на- ходящуюся в междуречье промышленность. Промышленный Китай — вместе с его армией, экономикой, ядерным оружием – просто смыло. По предварительным оценкам погибла при- мерно половина населения, и дальнейший прогноз был неуте- шительным: скорое начало эпи- демий и голода. По телевизору показывали плавающие в воде обломки и трупы. Американская промышленность, если бы она сохранилась к этому времени, на какое-то время теперь могла бы не опасаться конкуренции.

Еще через сутки выяснилось, что у Канады проблемы с беженцами из США – они тол- пами валят через границу и над канадским климатом больше не смеются. Россия и Китай пере- мололи в фарш большинство крупных портовых городов, разрубили коммуникации и уничто- жили всю орбитальную группировку. Нет связи, энергии, воды. И никакой надежды получить их в ближайшем будущем.

А еще через сутки канадские дикторы объявили о новой решительной победе диплома- тии – русские войска уходят из Европы. Российское правительство переезжает из Москвы, ко- торая стала слишком радиоактивной, в новую столицу – ей временно станет город Архангельск – какое-то ледяное ме- сто, окруженное со всех сторон снегами и ракетами. Русский медведь загнан в свою берлогу, где и издохнет. Европа празд- нует победу.

Из всего потока информации Максим выделил несколько пунктов: США досталось, Китаю досталось еще больше, Рос- сия вторглась в Европу, Москва загажена, но не разрушена. Получалось все не так уж и плохо. Шансы были. И шансы не- плохие.

* * *

Жена Максима Ангела внешне была человеком к реальной жизни совершенно неприспособленным. Полностью соответствуя своему имени, Ангела казалась на Земле гостем временным, а потому правил игры не понимающим и не принимающим. Вопреки всему это ее свойство давало ей прекрасную броню от недоброжелателей и многих невзгод – она просто ничего не замечала. Интриги, направленные на нее, рассыпались по одной причине – они были рассчитаны, что Ангела или заметит выгоду и пойдет в ловушку за бесплатным сыром, или заподозрит опасность. Ангела не замечала ничего – ни зла, ни добра, ни выгод, ни опасностей. Она жила, как Бог даст. Цвела, как лилия, порхала, как птичка, улыбаясь радостям, плача над горестями, переживая за окружающих, как за себя. И, наверное, Бог это ценил.

Но когда речь заходила о вещах обычных и приземленных, в ней просыпались настолько мощные инстинкты выживания, что диву давались самые записные интриганы и прожженные циники. Однажды Ангела потрясла всех общих знакомых, протащив на себе несколько километров мужа подруги, пропоровшего ногу при купании в лесу. Подруга, более плотная и внешне крепкая девушка, не выдержала и сотни метров. Ангела же – внешне хрупкое и воздушное существо с тонкой спиной, созданной для вырезов вечерних платьев, а не для рюкзаков, — которая не должна была бы выдержать и половины веса здорового мужика, дотащила его до дороги, да еще и командовала последующим процессом госпитализации.

Максим знал эти черты жены и был совершенно уверен, что если ей представилась хоть малейшая возможность выжить и выбраться из Москвы, то это уже сделано со всей возможной энергией и скоростью. Максим также не сомневался в том, что жена не забыла вытащить и всех друзей, до кого смогла дотянуться.

* * *

В мотелях он не останавливался, ночевал в основном на природе. Это уже сильно поднадоело – хотелось в душ.

Несколько раз по телевизору он видел свою фотографию, которую снабжали комментарием о том, что это очень опасный вооруженный преступник, предположительно работающий на русскую разведку, убивший в аэропорту несколько человек. Очень опасен, самостоятельно задерживать его нельзя – немедленно вызывать полицию.

Очень лестно.

Слава Богу, вырочала борода, а также то, что Максим за неделю похудел. Напряжение совершенно лишило его аппетита. Вкус пищи не чувствовался. Наверное, Максим мог бы жевать консервы прямо вместе с банками. Он мог бы и вовсе не есть, и совершенно обессилеть, но ежедневно угрюмо и упрямо повторял ритуал приема пищи: найти подходящее место, потурецки сесть на рюкзак, ножом вскрыть банку и тем же ножом поесть, пользуясь им вместо ложки.

В первую ночевку ему приснились убитые им канадские солдаты. Они лежали все в том же тамбуре, в крови, но никак не могли затихнуть и все шевелились, шевелились. Максим стрелял в них, но как только затихал один, начинал ворочаться другой, и Максим снова стрелял, не в силах побороть страх и уйти из страшного тамбура, потому что для этого пришлось бы повернуться к мертвецам спиной.

Максим проснулся и вспомнил лежащего на спине в луже крови пилота. Больше кошмары с мертвецами ему не снились. Снились светлые радужные сны, в которых он все время о чем-то говорил с женой, играл с дочкой. Мир этих снов был ярок, прозрачен и весь наполнен светом. Проснувшись, Максим не мог вспомнить ни слова, помнил только чувство полной безопасности, счастья, всепрощения. Как в раю.

Контраст при пробуждении был такой силы, что в течение получаса Максим не открывал глаз, ловя остатки сновидения. Казалось, что его выгнали, бросили. Чувство колоссальной потери владело всем его существом.

Спасал ритуал еды: турецкая поза, консервная банка, нож. К концу трапезы Максим приходил в свое максимально эффективное угрюмо-упертое состояние и находился в нем до момента, когда пора было отходить ко сну. И так повторялось изо дня в день. Изо дня в день.

* * *

Волосы стали соевыми. Ощущение грязного тела угнетало. Но дело того стоило. Он преодолел почти всю Канаду без каких-либо проблем.

В первый раз его попытались взять только в Ватсон Лейк. Водитель машины, какой-то иммигрант из Германии, к которому Максим подсел на трассе, узнал его. Но вместо того чтобы поступать, как было предписано в распространяемой по телевидению инструкции, понадеялся, что русский бандит, говоривший с ним по-французски, не знает немецкого. Он набрал номер полицейского участка прямо в первом же придорожном таксофоне. Максим действительно плохо знал немецкий. Но сознание мгновенно выхватило слово «russisch».

Это слово знает каждый русский с самого детства. Знание это пахнет старой кровью и ненавистью. Оно досталось вместе с ржавым железом, все еще лежащим то здесь, то там по всей России, осевшими, но не заросшими окопами и все еще отыскиваемыми человеческими костями. Русский не может не узнать это слово, потому что это каркающее слово уже множество поколений ассоциируется с унижением и смертью. Услышав его, Максим неожиданно сам для себя озверел.

Когда немец сел в машину и машина двинулась, Максим выхватил из-за куртки нож и, схватив потомка арийцев за затылок, приставил нож к его глазу.

– А ну, остановил! Быстро! Schnell! Скотина! Schwein!

На обочину!

Немец в полном ужасе, не понимая, что делает, путаясь в педалях, вместо тормоза нажал на газ и украсился замечательным широким порезом на щеке. От этого он испугался еще больше. Только что он казался себе бравым молодцом, который обманул и поймал «русского бандита», а теперь русский давал ему команды на его языке. И теперь русский зарежет его. Всего лишь за то, что он хотел похвастаться подвигом перед друзьями под бутылочку пива.

– Тормози, я сказал! Тормози!

Максим схватил руль и вывернул его на обочину, одновременно рванув ручку вариатора на «стоп». Машина слетела с шоссе и, заскользив по мокрой утренней траве, врезалась в кустарник.

Озверевший Максим вытащил упирающегося и закрывающего голову руками немца из машины за шкуру. Утреннее шоссе пустовало, заступиться было некому. От отчаянья немец совершил попытку вцепиться Максиму в руку с ножом. Сильным, жестоким ударом в лицо Максим отбросил несчастного на машину.

– Ты куда звонил, сука? Куда ты звонил?! Максим ударил жертву ногой в поддых.

– Русиш? Я тебе – русиш? Фашистская морда!

В голове немца что-то щелкнуло, какой-то тумблер, и в нем тоже заработали какие-то древние инстинкты. И он, все еще закрываясь руками от Максима, визгливо закричал:

– Ich bin nicht ein Faschist! Ich bin nicht ein Faschist! Nichts chissen!

В его голосе было столько страха, перемешенного с надеждой, что Максим опешил.

– Куда звонил, я спрашиваю?

– Я звонил другу. Он работает тут, в полиции. Я не фашист. Вы понимаете? Я не фашист!

– Ты не фашист. Ты идиот. – Ярость Максима куда-то совершенно неожиданно ушла, оставив после себя усталость и обиду. – Только идиот может не знать, что, даже не зная немецкого, русский всегда узнает слова russisch и schissen. Всегда.

– До сих пор? – немец был совершенно поражен.

– До сих пор. Снимай штаны.

– Меня зовут Гюнтер! – немец неожиданно шагнул вперед и, как-то вопросительно глядя Максиму в глаза, протянул руку для рукопожатия.

– А мне роher как тебя зовут, дружок. Снимай штаны. Связав немца его же распоротыми брюками, Максим со-

брался было уйти. Уже повернувшись к автомобилю спиной, он помедлил, затем резко повернулся, подбежал к машине и вытащил из бардачка аптечку.

– Жалко мне на тебя время тратить, но может быть, мне это Бог зачтет, когда домой вернусь.

Маским смазал порез на щеке антисептиком и наложил сверху пластырь.

– Ну пока, Гюнтер. Больше мне не попадайся.

* * *

Километров через пять быстрого бега Максим снова вышел на трассу и поднял большой палец. Теперь происшествие с Гюн- тером казалось ему забавным. Он улыбался.

* * *

Границу между Канадой и Аляской Максим прошел в на- глую, обойдя таможенный пункт по реке. Аляска к этому мо- менту объявила о создании независимого государства. В неза- висимом государстве, как и положено, царил бардак. Отменили доллар, но, поскольку ничего более оригинального придумать не смогли, ввели аляскинский «золотой» доллар, кото- рый не- понятно, с чем был связан, и неясно, как обеспечивался. По- этому прежний доллар ходил по-прежнему, как ни в чем не бывало, одновременно с еще десятком самопальных валют. Основной человеческой эмоцией был страх. Люди боялись, и их поступками руководил только страх за себя, своих близких и то имущество, которое они нажили.

Ненависть людей, в одночасье потерявших уверенность в завтрашнем дне, выплеснулась на военных. Военных было обвинить легче всего.

Особенно доставалось отставным. У них не было армей- ского товарищества и армейской мощи, но зато был патри- отизм, выражавшийся зачастую в самых громких формах. Поэтому они открыто шли против новоявленных князьков и против человеческого страха. Поэтому их убивали, вешали, жгли. Стирала с лица земли. Максим видел, проходя малень- кие поселки, как горят их дома и как висят их трупы.

В деревушке Риверз Вэлли, дворов на десять, недалеко от Игла, толпа ворвалась в дом отставного полковника ракетных войск США и повесила его вместе со всей семьей. Их трупы раскачивались на турнике на детской площадке, которую по- вешенный глава семейства делал, скорее всего, собственными руками.

Сделав это страшное дело, жители покинули поселок в желании перебраться в более крупный населенный пункт – туда, где есть больница, работа и еда.

Преодолев неловкость перед мертвыми, Максим тихо во- шел в их дом через заднюю дверь. Первый этаж был разгром- лен – хозяин дома до последнего пытался защитить себя и свою семью. Стекла выбиты. На стене в холле кто-то помадой написал «Убийца!». «Интересно, к кому сейчас себя причисляет писавший? К пацифистам?» – подумал Максим, проходя мимо надписи. Валялись стреляные гильзы двенадцатого калибра, на полу высыхала лужа крови. Судя по тому, что на теле хозяина дома и его родных огнестрельных ран не было – кровь была чужая. Ружье, изувеченное ударами о стену, лежало тут же.

Максим принял душ, зарядил стирку в стиральной машине, плотно закрыв занавески, посмотрел телевизор в спальне на втором этаже. Телевизор показывал толпы беженцев, пикеты невесты откуда взявшихся канадских ультраправых. Особо поразовала колонна канадской украинской диаспоры, требовавшая войны с Россией до самого конца. Запомнился транспарант с надписью: «Ни один человек не может жить спокойно, пока жив хоть один москаль!»

«Господи! Спасибо Тебе за немца!» – подумал Максим, лег в постель хозяина дома и немедленно заснул.

Проснулся он поздним вечером. Посмотрел на стоявшую на тумбочке справа фотографию. На фотографии улыбались люди: высокий сухощавый мужчина в плавках, женщина в купальнике с темными очками в руках и ребенок – мальчишка лет восьми с ярким надувным мячиком. Они стояли на пляже босые, подставляя лица солнцу. Солнце сияло на белоснежных зубах и в глазах всей троицы. В нижнем правом углу фотографии имелась надпись «Гавайи 2057 г.». Такие фото стояли на книжных полках у родителей Максима с надписями «Анапа», «Севастополь», «Геленджик».

Максим осторожно отдернул занавеску и посмотрел в окно. За окном темнело, но в домах свет не горел. Поселок казался мертвым и брошенным.

Максим вышел во двор, обошел дом, и, выстрелом из «клена» сбив замок с двери, выволок из подвала лопату.

Где тут церковь или кладбище, Максим не знал. Да и не хотелось одному ходить по мертвому поселку. Он начал рыть прямо перед домом. Рыл неглубоко – темно, да и времени было немного. Выкопав широкую яму с полметра глубиной, подошел к турнику и лопатой перерубил веревки. Он поймал себя на мысли, что избегает смотреть им в лица. Хотелось запомнить их такими, какими они были на фотографии. Не прикасаясь руками, он лопатой затолкал их в яму и начал забрасывать землей.

Набросав сверху холмик, он воткнул лопату в ногах. Распятия в доме он не видел и не знал, верующие ли были эти люди или нет. А если верующие, то кто? Католики? Протестанты?

Поэтому Максим свел молитву к минимуму – перекрестился и сказал:

– Упокой, Господи.

– Молодец, мальчик!

От неожиданности Максим подпрыгнул на месте и заозирался вокруг.

– Да ты не бойся...

Из-за угла дома вышел темный силуэт, и стал медленно приближаться. Пистолет лежал далеко – быстро не допрыгнешь, и Максим не был уверен, что незнакомец позволит ему безнаказанно прыгать за пистолетами. Он стоял, разведя руки в стороны и мучительно соображая, что же сейчас делать.

– Не волнуйся, мальчик. Если бы я хотела тебя застрелить – давно бы застрелила.

По голосу и по все четче видимым деталям приближающейся фигуры Максим понял, что перед ним старая, очень старая женщина. Вооруженная старая женщина.

– Я хорошо стреляю.

Она, наконец, подошла, оперлась на длинное ружье, как на клюку, и посмотрела Максиму в глаза снизу вверх своими когда-то голубыми, а теперь выцветшими в светло-серый с прожилками голубого, глазами.

– Русский?

– Мэм, я... – Максим растерянно развел руками.

– Не ври, мальчик. – Старуха глянула исподлобья, – Не портить впечатление. Я не глухая. Ты молился по-русски.

– Я русский.

– Мне кажется мальчик, что ты не из местных. Не из местных русских, я имею в виду.

– А тут есть русские? – Максим решил играть в открытую. Старуха ему нравилась. Ну, или почти в открытую.

– Были, мальчик. Целая община русских была. Церковь русская. Кого-то увезли, кто-то смог убежать. Но тебя с ними не перепутаешь. Местные русские так не одеваются. Местные лю-бят свою одежду – такие рубашки вышитые... забавные. И ак-цента у них почти нет. Я, когда была молодая, чуть за одного вашего замуж не вышла, – голос старухи стал тихим, ровным, почти распевным. – Сильно его любила. Красивый был. Не сло-жилось у нас. Оно и к лучшему, конечно.

– А почему не сложилось?

– Порядки у нас разные. У них в общине порядки жесто-кие были. И красавец мой этими порядками с детства изувечен был. Любить не умел. Говорил о Боге, о матушке-России, а по-том обязательно о том, что вся Земля в ереси, кругом еретики, и только кровью ересь эту смыть можно. Все о войне с Росси-ей мечтал. Их так всех там учили – не столько любить друг друга, сколько ненавидеть всех, кто не такие, как они. На том и жили. На ненависти. Испугалась я. Вышла замуж за другого. Похоронила его позавчера. Моего Джона.

– Соболезную.

– Верю. Тебе трудно не верить, мальчик. Разве человек, у которого нет сочувствия, стал бы хоронить незнакомых ему людей только из благодарности за кров?

– Я не из благодарности. Старуха махнула рукой:

– Это все равно. Ты куда направляешься?

– Хочу попасть домой.

– Я тоже, мальчик. Я тоже. Мы все хотим домой.

* * *

Маргарет, так звали старуху, пригласила Максима в гости. К дому она ковыляла с трудом, опираясь на свое огромное ру-жье. Дома она поставила его в угол и с помощью Максима добрела до кресла, тяжело опустилась в него. Кресло тихо скрип-нуло под тяжестью ее тела. Маргарет была очень-очень стара.

– Мальчик, если хочешь выпить, то за моей спиной в баре стоит неплохой виски. Еще мой Джон покупал. Мой Джон лю-бил хороший виски. Он становился после него такой шалопай,

– старуха улыбнулась чему-то своему. – Нет, алкоголиком он не был. Он был молодец, мой Джон. Он был настоящим мужчиной. Хочешь есть?

Максим есть не хотел, но отказаться почему-то не по-смел – кивнул.

Откусывая от куска вчерашнего пирога с печенкой и от-хлебывая виски из большого толстодонного стакана, Максим почувствовал, что к нему начинает возвращаться утраченное на время чувство уюта.

«Странно, что не предлагает попариться в баньке, – по-думал Максим. – По сюжету самое время. Или это я должен просить в баньку истопить? Как это там было?»

– Чему улыбаешься, мальчик? Кстати, можешь и мне плеснуть немного.

– Да ничего особенного, – Максим резким движением отвинтил пробку и налил в стакан Маргарет. – В русском фольклоре есть такой постоянный сюжет: главный герой, Иван-дурак или Иван-царевич, попадает в izbushku к Baba- Yage с костяной ногой. Она его хочет съесть, но он уговарива-ет ее напоить, накормить его и даже истопить ему баню. А в конце она дарит ему какой-нибудь волшебный предмет.

– Похоже на Элиссон Гросс. Только у нее нет костяной ноги, и она ничего не дарит. Просто ест, – старуха улыбу-лась. – Не бойся, мальчик. Я тебя не съем. А почему у нее костяная нога?

– Считается, что Баба Яга – пережиток культа мертвых – страж между миром живых и потусторонним миром. Она сама как бы наполовину жива, а наполовину мертва. Вот одна нога у нее и костяная.

– Какая замечательная женщина. Да... – Маргарет снова улыбнулась. Теперь ее лицо было видно намного лучше.

Белая кожа, светло-голубые водянистые глаза, челюсть, ушедшая чуть назад от долгого использования правильного английского языка. – Очень похоже. Очень похоже на меня.

– Вы работали учителем? Английский язык и английская литература? Да?

– Острый глаз! Молодец! – Маргарет сделала жест рукой обозначающий нечто победно-молодеватое. – Не здесь, конечно. Я работала в университете. В очень хорошем университете. Теперь его, скорее всего, нет. Ну а ты? – она посмотрела на Максима неожиданно живыми глазами. – Тот самый русский шпион, которым пугают нас по радио и телевизору уже несколько дней?

– Почти, мэм. Кроме того, что я не шпион, не бандит и все такое. Я просто хочу домой.

– А поскольку очень старательный мальчик, то и домой ты идешь очень старательно. – Маргарет повертела стакан в руках, отпила немного. – Никому не удалось тебя остановить или задержать. Из живых, я имею в виду.

– Пока никому, мэм.

– И это их здорово злит. Берегись, Макс. – Маргарет неожиданно прекратила называть его «мальчик» и резко перешла на имя. – Ты им нужен, и они будут искать тебя везде. По всему свету.

– Пусть ищут, Маргарет. Я просто иду домой.

– Молодец. Ты – настоящий мужчина. Как мой Джон, – она тряхнула стаканом. – Макс, останься на эту ночь со мной. Максим поперхнулся, и отличный девятнадцатилетний виски пошел носом. Пока он, прикрывшись рукавом, кашлял, чихал, тряс головой и вытирал слезы, Маргарет смеялась.

– Что? Испугался? – Маргарет, кокетливо стреляя молодыми от алкоголя и смеха глазами, отпила из стакана еще глоток. – Вот почему ты все время думаешь обо мне плохо? То я тебя съем, то изнасилую... Нельзя жить с таким мировоззрением! – Она еще раз хихикнула. – Я вот о тебе с самого начала думала только хорошее. Ну подумаешь, русский шпион! Шпион – тоже человек. Я имела в виду: не останешься ли ты переночевать в моем доме. Составишь мне компанию? Мне тут чертовски одиноко. Все уехали в город после того, как...

– С удовольствием, Маргарет. Простите меня. Я – кретин. – Максим наклонил голову и шелкнул, как мог, каблуками. Кроссовками шелкать получалось не очень, но Маргарет оценила жест.

– Садись, Макс. Ты – настоящий джентльмен. Скажи-ка, а у вас любят поэзию? Можешь рассказать мне стихи?

– С удовольствием. Моя жена очень любит эту вещь:

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг, мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я
плащом

От зимних вьюг, от зимних вьюг.
А если мука суждена

Тебе судьбой, тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой, делить с тобой.
Пусть сойду я в мрачный дол,

Где ночь кругом, где тьма кругом, –
Во тьме я солнце бы нашел

С тобой вдвоем, с тобой вдвоем.
И если б дали мне в удел

Весь шар земной, весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной, тобой одной.

– Какая прелесть. А что это? Звучит, как барокко, но я не припомню русских поэтов в этом стиле.

– Это стихи Роберта Бернса в переводе на русский. Я, к стыду моему, так и не удосужился прочесть оригинал.

Они допили всю бутылку к трем часам ночи. Все это время Максим развлекал Маргарет, как мог, – пел ей песни, читал стихи, рассказывал анекдоты, а Маргарет много смеялась. Потом они разошлись по спальням.

* * *

Проснулся Макс поздно – около полудня. Он вышел из комнаты и позвал Маргарет.

– Маргарет! Маргарет!

Ему никто не ответил. Уже предчувствуя разгадку тишины, он постучал в дверь спальни Маргарет. Ему и на этот раз никто не ответил. Он вошел.

Маргарет лежала на постели, полуприкрыв глаза. Рядом с кроватью лежала фотография в деревянной рамке и маленькая баночка. Пустая баночка из-под снотворного.

Максим подошел ближе, присел, поднял фотографию и поставил ее на трюмо. С фотографии улыбались молодые Маргарет и Джон – широкоплечий черноволосый мужчина с веселыми серыми глазами и черной кудрявой бородой.

В уголок рамки был вставлен свернутый вчетверо клетчатый листок, на котором сверху учительским почерком Маргарет была сделана надпись: «Максу».

Он развернул и прочел.

«Мой дорогой Макс!

Мальчик, прости, что я так поступила. Не обижайся на меня. Выполни мою последнюю просьбу: закопай меня рядом с Джоном. Он лежит за домом. Ты увидишь там свежий холм. Я надеюсь, что Бог не обидится на меня за то, что я сделала. Я не отчаялась. Просто ты — слишком добрый мальчик, чтобы уйти и бросить меня одну. Ты бы обязательно потащил бы меня с собой. И обязательно попался бы. А я бы умерла вдалеке от моего Джона, и никто бы не догадался привезти меня сюда. К нему. Я не очень-то верила в Бога, но надеюсь, что Он есть и что Он есть Любовь. Сам посуди — на что мне еще надеяться? Так что, если тебя не затруднит, прочитай надо мной какую-нибудь молитву. Мне всегда нравились службы в русской церкви, а ты умный мальчик, ты сможешь. завещаю тебе все мое имущество в благодарность за все,

что ты для меня сделал.

Прощай.

Твоя Маргарет Пенн.

P.S. Спасибо, что похоронил нашего с Джоном сына. Я сама так и не смогла».

* * *

Макс выкопал для Маргарет настоящую глубокую могилу. Потом он отнес ее на руках – в отличие от вчерашних покойников, он не боялся и не брезговал к ней прикоснуться. Крест он сделал, выдернув и сколотив друг с другом доски забора. Прочитал «Отче наш» – других молитв не знал.

Поселок он покинул через два часа, забрав с собой письмо и фотографию Маргарет. Нужно было спешить в Игл.

* * *

...На первый взгляд, война совершенно не коснулась Игла. Жизнь шла своим чередом – кипела на рынке, ленилась по окраинам, ездила на автомобилях, ходила пешком. Напивалась в салунах и барах, затаривалась в супермаркетах. Жизнь хотела плевать на смерть и войну и плевала, пока могла. Но это было так только на первый взгляд. Если присмотреться, то

ста- новилось видно, что за бензин и продукты расплачивались не привычными «зелеными», а какими-то бумагами с печатями, очереди были длиннее, машин меньше, а оружия в руках – больше.

Подвозившего Макса парня дважды проверили патрули народной милиции. Проверили своеобразно: попросили доку- менты на машину, осмотрели груз – нет ли продуктов пи- тания и бензина. Обнаружив и то, и другое – забрали часть, после чего выдали бумагу с печатью городского совета, разре- шающую въезд в город.

На Макса никто внимания не обратил – сидит себе че- ловек в машине, значит, хозяин машины так хочет: право собственности священно и нерушимо. Только плати налоги. Сидит себе какой-то парень и сидит – налоги взяты, можете ехать.

Второй патруль проверил бумагу, выданную первым патрулем, на подлинность, и, в отли- чие от первого, задал

вопросы о цели посещения города. Узнав, что имеют дело с бе- женцами, сообщил, что все новоприбывшие обязаны встать на учет в городском совете, и показали дорогу. Показали весьма настойчиво: не сверни, мол, туда – может получиться плохо. При этом патрульный пле- чом повел – показал, что ствол на месте.

«Спасибо, ребята, я понял», — подумал Макс и спросил:

– Ребята, вы не знаете, где тут можно найти Стива Арче- ра? Он — друг моего папаши и будет рад известиям.

– Стива Арчера, говоришь? Друга папаши, говоришь? – мужчина лет сорока–сорока пяти вышел из-за спины проверя- ющего и, взявшись за козырек кепи, постарался глянуть Макс у в глаза. – Видно, ты поздний ребенок у своего папаши. По- тому как времена, когда полоумный Арчер с кем-то мог под- ружиться, миновали очень давно. Думаю, что еще в Средние века. Он не очень-то милый человек. Но если тебе не дорога жизнь, можешь после того, как зарегистрируешься, поискать его во-о-он там! – приподнявшись на цыпочки, он показал Максиму на дальний домишко, стоящий на холме. – Он жи- вет там. Если он еще не успел надраться, то у тебя есть шанс, что он тебя не пристрелит.

– Ну может быть, мне удастся найти с ним общий язык?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.